

ПАЛЬТО ШАЛЯПИНА

Ветераны финской сцены Жорж де Годзинский и Георгий Павлов рассказывают о великом русском певце

В свои без малого 80 лет оба еще полны сил и желания послужить музам. Прожив почти всю сознательную жизнь в Финляндии, и «белоземigrant» Годзинский, русский по отцу и француз по матери (откуда игривое «Жорж де...»), и Павлов, чистокровный русак по происхождению, несут память о той главной встрече, которая определила их жизненные пути. Первого — как пианиста, композитора, дирижера. Второго — как артиста и певца. Встрече с Федором Ивановичем Шаляпиным, приехавшим в Суоми на гастроли в 1935 году.

ГОДЗИНСКИЙ — находка Шаляпина. Великий певец был, как известно, человеком нравя не сахарного и с аккомпаниаторами надолго не уживался. Так случилось и в Хельсинки. 21-летний Жорж и помислить не мог, что 62-летний Шаляпин, находившийся тогда в зените мировой славы, выберет его, начинающего пианиста, себе в концертмейстеры всерьез и надолго. Прослушав игру молодого музыканта и проверив его на знание русского, Шаляпин решение принял сразу: «Контракта не нужно. Вы будете получать сто долларов за концерт. Плюс полный пансион».

По окончании гастролей Шаляпина в Финляндии, мучимый страхами и сомнениями, после настойчивых уговоров отца («Это твой шанс,пустишь — пеняй на себя!») Годзинский согласился стать постоянным партнером певца на полгода. Впереди было турне в Японию, Китай и Маньчжурию, захваченную японцами. Георгий Францевич, как Годзинский просит называть себя, хлебнул тогда лиха. Громадный репертуар Шаляпина включал в себя свыше 600 произведений. Отпечатанных заранее программ на концертах никогда не было — Шаляпин сам выбирал из разложенных за кулисами папок с нотами то, что будет исполнять. Но изучить репертуар оказалось лишь малой толикой необходимых для работы с великим певцом знаний. Все репетиции, как вспоминает Годзинский, были весьма условны: на концертах Шаляпин исполнял произведение совершенно иначе. Но и это еще не все. Гениальный импровизатор один и те же вещи мог петь совершенно по-разному, придавая им все новые и новые необычные оттенки. Только окончившись в творч-

ство Шаляпина, что называется, с головой, Годзинский понял, как это трудно — соответствовать шаляпинскому дару перевоплощения. Не раз и не два кулак маэстро дробно отстукивал по крышке рояля лишь одному ему ведомый «правильный» такт... «Вот так надо играть!»

Но певец и от себя всегда требовал только совершенства. Уже за несколько дней до очередного выхода на сцену он превращался в какого-то иного, «опрокинутого» человека. Надолго уединялся в гостиничном номере, никого к себе не допуская. Все силы его были нацелены на внутреннее сосредоточение. А потом могли сдать нервы. Он «решительно отказывался» выступать, но «нервотрепательные» для окружающих ситуации всегда разрешались благополучно. Даже когда певец ощущал себя нездоровым, слушатели были для Шаляпина выше всего...

Годзинский расстался с Шаляпиным на последних его больших гастролях по Дальнему Востоку. Вскоре Шаляпина не стало...

СОВСЕМ по-иному сложились «отношения» с Шаляпиным известного финского певца Георгия Павлова. Он вообще с кумиром лично знаком не был. Видел, слушал, благоговел, но... Не довелось. Однако ж вот и он попал в «шаляпинскую историю».

После гастролей по Финляндии Шаляпин оставил часть личных вещей у сестры жены, жившей здесь постоянно. Его поскокное по тем временам пальто невеста какими-то путями перекочевало потом в консерваторию, где тогда учился страстный поклонник таланта Шаляпина скромный студент Павлов. То ли из-за русских

его корней; то ли по какой другой причине, но временные хозяева реликвии предложили: «Заплати и забирай».

— Да где же денег столько взять?

— Ну можно и за символическую плату...

Так щуплый в ту пору, среднего роста Павлов стал обладателем шикарного длинного реглана с шаляпинского плеча. «А ведь был грех, хотел я его укоротить, подогнать под себя, — вспоминает ветеран сцены. — Но одумался вовремя, стал за ним ухаживать как за музейным экспонатом, проветривать по весне, от моли беречь. А потом пошел в советское посольство: «Возьмите. Ведь память о замечательном соотечественнике!» Все кивали, соглашались, но не брали. Так бы и пропало. Но случай свел с товстоноговской труппой, с Евгением Лебедевым в частности, «Холстомером», как мы зовем его для себя. Ленинградцы заинтересовались, стали судить да ридить, по карманам шарить, выкупить хотели. Я, естественно, от денег отказался. Теперь оно в Петербурге, в шаляпинском музее».

За этим бесхитростным рассказом и боль наша, и стыд, и надежда на то, что по крупинкам соберем, сохраним память о тех, кто был и остается духовной опорой и гордостью России. С помощью таких вот «чудаков», как Георгий Павлов, десятилетиями пересылавший нафталином шаляпинское пальто. С помощью таких энтузиастов сохранения шаляпинского наследия, как российский журналист Николай Горбунов, десять лет назад «откопавший» последнего из ныне здравствующих личных аккомпаниаторов Шаляпина — Годзинского. И не только его.

Среди почетных гостей прошедших в Хельсинки Дней русской музыки, организованных Обществом дружбы народов России и Финляндии, находилась 86-летняя оперная певица Ирѐ Ахолойнен. В 1935 году она пела с Шаляпиным Маргариту в

«Фаусте» на сцене старого столичного оперного театра, ныне, как и в прежние годы, именуемого Александровским. «Мадмуазель Ахолойнен с наилучшими пожеланиями. Федор Шаляпин», — фотография с дарственной подписью украшает теперь скромную комнатку одинокой старушки в Русском доме для престарелых финской столицы.

Выбор Хельсинки в качестве места проведения выставки «Федор Шаляпин — царь русской оперы», которая была развернута в Российском культурном центре, не случаен. Живые свидетели исторически значимого прошлого нашей страны как бы подтвердили своим присутствием: не распалась связь времен. Эта выставка нацелена также на то, чтобы навести мосты между поколениями людей, где бы они ни жили.

Вот ведь как получается! У нас Шаляпин вроде бы никогда официально опальным не был. Но «чтили» его столь своеобразно, что еще немного — и забыли бы вовсе. 130 экспонатов,

впервые вывезенных за пределы отечества, — все сплошь подлинники: эскизы декораций, написанные Коровиным, Серовым, Врубелем, портрет Шаляпина, сделанный его сыном Борисом. И костюмы, в которых играл Федор Иванович. Он их любил, холил, берег, суеверно никогда не расставался со старыми и настороженно подходил ко всему непривычному. Когда в Финляндии ему предложили заменить накладные бороды и усы на более современную экипировку к роли, он воспротивился: «Старый друг — лучше новых двух».

Вот так и теперь. Приходит пора, когда нужно осмотреться и увидеть тех, кто и за рубежом, без всякой поддержки, пронес для нас сквозь годы лишений огоньки лампад вечного, несуетного и возвышенного.

Павел ВОЛПЯНСКИЙ,
соб. корр. «Труда».
ХЕЛЬСИНКИ.

На снимке: знал Федор Иванович толк в пальто и шубах. Таким вот представил его нам художник Б. Кустодиев.